

Цзян Чжюй обладал горячим телом, и раньше, когда они спали вместе, Шэнь Хэн всегда бессознательно прижимался к нему.

Среди ночи он проснулся, чувствуя какой-то дискомфорт. Потребовалось несколько секунд, чтобы окончательно прийти в себя и запоздало осознать, что от лежащего рядом человека исходит непривычный жар.

Цзян Чжюй включил свет и взглянул на него: Шэнь Хэн лежал в его объятиях, нахмурившись, дыхание его казалось тяжелее обычного, и было слышно, как трудно ему дается каждый вдох. Его гладкая белая кожа и ушные раковины из-за высокой температуры окрасились в нежный розовый цвет, а черное родимое пятно в форме дикого гуся вокруг окаймляло странное красное кольцо, из-за чего он выглядел порочно и притягательно.

Цзян Чжюй резко сел на кровати, спрыгнул на пол и принялся рыться в шкафах спальни. В этой квартире он бывал нечасто, и только потому, что здесь теперь жил Шэнь Хэн, он заглядывал сюда каждый день.

Не найдя аптечку в спальне, Цзян Чжюй обернулся и посмотрел на человека, завернутого в одеяло — из него выглядывало лишь маленькое личико. Он поднял температуру воздуха в комнате и направился в кладовую на втором этаже.

К счастью, найти аптечку оказалось несложно. Цзян Чжюй бережно приподнял Шэнь Хэна, усадил его, прислонив к себе, и осторожно напоил его таблетками. Шэнь Хэн, хоть и был в полубреду, послушно проглотил лекарство и запил его водой.

Цзян Чжюй укутал его обратно, сел на край кровати, упершись локтями в колени, и почувствовал глухое раздражение. Похоже, в этот раз он и правда перегнул палку.

Он повернул голову, глядя на алое лицо и губы Шэнь Хэна. Это была болезненная краснота, полная хрупкой красоты, и от того, как прерывисто он дышал, в душе невольно зарождалась жалость.

Цзян Чжюй выпрямился и приложил ладонь ко лбу Шэнь Хэна: лекарство еще не успело подействовать, кожа по-прежнему была пугающе горячей.

Он беззвучно вздохнул, решив, что, когда Шэнь Хэн проснется, он обязательно возместит ему всё с лихвой. Он снова лег в кровать, заключил тело Шэнь Хэна в объятия, обхватил его за талию и начал мерно поглаживать по спине.

Шэнь Хэн проспал почти до самого полудня. Цзян Чжюй, проснувшись среди ночи и снова легши в кровать, так и не смог сомкнуть глаз — он слушал дыхание Шэнь Хэна и смотрел в темноту до самого рассвета.

За окном непрерывно лил дождь, из-за искривленных потоков воды все пейзажи снаружи казались размытыми. Смешивающиеся цвета сливались на стекле, словно в абстрактной живописи, расцветая бесчисленными причудливыми оттенками.

— Проснулся? — Цзян Чжияй, который возился с телефоном Шэнь Хэна, заметив, что тот пошевелился и открыл глаза, радостно подошел ближе и мягко спросил: — Как себя чувствуешь? Еще больно?

Жар у Шэнь Хэна спал, но тело все еще ломило. Он взглянул на Цзян Чжияя, медленно отвел глаза и промолчал, опираясь на руки, чтобы сесть.

Цзян Чжияй помог ему, подложив за спину подушку, чтобы ему было удобнее.

— Будешь воды? — Цзян Чжияй не придавал значения тому, что Шэнь Хэн проигнорировал его, и пошел принести стакан теплой воды, поднеся его к его губам.

Шэнь Хэна действительно мучила жажда, он осушил весь стакан одним махом, и горлу сразу стало легче.

Затем Цзян Чжияй принес миску каши — он специально спустился за ней утром, но из-за того, что прошло много времени, каша остыла, и ее пришлось подогревать снова. Овощная каша с кусочками мяса после разогрева выглядела густой и клейкой. У Шэнь Хэна не было аппетита, он покачал головой и прохрипел:

— Не хочу есть.

Цзян Чжияй подумал, что тот все еще дует, и, хоть был недоволен, не подал виду:

— Тогда поешь, когда захочешь.

Он поставил миску на тумбочку и коснулся лба Шэнь Хэна — температура была в норме, вот только лицо всё еще выглядело бледным.

— Если чувствуешь себя плохо, поспи еще, я отпросил тебя с работы.

Цзян Чжияй протянул ему телефон, лежавший на столе, и только тогда Шэнь Хэн понял, что Цзян Чжияй все это время держал его аппарат. В восемь тридцать утра звонил Хэ Юэ, когда Шэнь Хэн еще спал, и Цзян Чжияй ответил за него, заодно попросив отгул по болезни.

Шэнь Хэн замер, через мгновение кивнул, взял телефон и положил его в сторону, снова откинувшись на подушки и перестав смотреть на Цзян Чжияя.

Цзян Чжюй ущипнул его за щеку, в его голосе прозвучали нотки баловства:

— Отдыхай, я тоже не пойду на работу в ближайшие дни, буду дома с тобой. Сейчас схожу в кабинет, разберусь с бумагами и вернусь, если что-то понадобится — просто позови.

В спальне остался только Шэнь Хэн. Он молча прислонился к изголовью, уставившись на свои бледные кончики пальцев, в сердце поднялась необъяснимая печаль. Он не понимал, что стало причиной вчерашнего поведения Цзян Чжюя. Если только из-за того, что он перебросился парой слов с Цинь Шуи, то эта причина казалась до смешного неубедительной.

Если подсчитать, сколько они вместе — четыре года, этого должно было хватить, чтобы узнать человека. Профессия юриста сформировала его профессиональный, строгий и педантичный образ в работе, но именно такое состояние максимальной собранности позволяло ему быть предельно расслабленным и доверчивым с тем, с кем он состоял в близких отношениях.

Звук уведомления на телефоне прервал его раздумья. Шэнь Хэн взял его: это было сообщение в WeChat от Цинь Шуи.

□Цинь Шуи: Шэнь Хэн, почему ты внезапно заболел? Сильно?□

Они давно были в друзьях, но изредка обменивались лишь рабочими вопросами. Так они еще никогда не переписывались. Хотя правила их фирмы не были слишком строгими, личное заявление об отгуле все же требовалось — после ночного разговора с Цзян Чжюем он совсем забыл об этом, а теперь вспомнил.

□SH: Спасибо за заботу, господин Цинь. Заболел внезапно, но ничего серьезного. Заявление принесу позже.□

□Цинь Шуи: Не нужно, просто отдыхай. Сейчас холодно, одевайся теплее. /улыбка□

Они перекинулись еще парой фраз, и когда Шэнь Хэн услышал шаги за дверью, он отложил телефон, лег и притворился спящим. На душе у него был такой хаос, что он даже не знал, с каким выражением лица и отношением встречать Цзян Чжюя.

Дверь спальни открылась. Шэнь Хэн не знал почему, но почувствовал напряжение, его рука под одеялом сжалась. Он услышал, как Цзян Чжюй сел рядом, какое-то время было тихо.

Вдруг кто-то легонько сжал его губы пальцами, а следом послышался смешок Цзян Чжюя:

— Все еще притворяешься спящим? Я еще за дверью услышал, как ты лег.

— Милый, вчера я был неправ, не стоило мне так с тобой поступать.

Шэнь Хэн уже открыл глаза. Цзян Чжияй придвинулся к его лицу, кончиком носа мягко потираясь о нос Шэнь Хэна, задабривая его:

— Я признаю свою вину, хорошо?

Его глаза были глубокими и темными — когда он так пристально смотрел на кого-то с близкого расстояния, казалось, он готов вытянуть из человека душу. Шэнь Хэн почувствовал неловкость и хотел отвернуться, но они были слишком близко, и он не мог пошевелиться.

Рука Цзян Чжияй поверх одеяла легла на его талию — хватка была слабой, но она идеально ограничивала его движения, а его дыхание, ставшее таким близким, медленно скользило по лицу Шэнь Хэна.

— Хорошо? — снова спросил Цзян Чжияй.

Это был первый раз, когда он добровольно пошел на уступки. Даже при серьезных конфликтах раньше он никогда не был таким покладистым ни с кем. К тому же он знал, что Шэнь Хэн любит его, любит так сильно, что это стало частью его плоти и крови. Поэтому он знал, что Шэнь Хэн обязательно согласится.

— ...М-м, — Шэнь Хэн долго смотрел ему в глаза, и его прежде спокойное лицо наконец дрогнуло. Он моргнул и тихо согласился.

В глазах Цзян Чжияй вспыхнула улыбка, он оставил довольный поцелуй на его губах — нежный и мягкий, совершенно не похожий на вчерашнюю грубость. Он медленно углубил поцелуй, и, почувствовав, как тело Шэнь Хэна обмякло, отстранился. Глядя в затуманенный взгляд Шэнь Хэна, он изогнул губы:

— Хороший мальчик.

К вечеру Шэнь Хэн уже мог терпеть недомогание и ходить по комнате. Цзян Чжияй по привычке хотел было заставить его готовить, но передумал и позвонил Сян И, велел ему заказать в отеле еду, подходящую для больного.

У Шэнь Хэна от болезни не было аппетита, и та каша, которую однажды уже грели, так и стояла у кровати, превратившись в остывшее жирное блюдо. Шэнь Хэн вывалил ее в мусорку и достал из своей сумки молочную конфету.

Как раз в этот момент Цзян Чжияй договорил с Сян И и увидел, что Шэнь Хэн сидит в стороне, а его щеки набиты чем-то, что он жует. Ему показалось, что это выглядит мило, он на цыпочках подошел сзади, обнял его и невзначай укусил за нежную кожу на шее, спросив:

— Что там жуешь?

Шэнь Хэн не был сильно стеснен в его объятиях, но от неожиданности вздрогнул. Укус был щекотливым, он рассмеялся, повернулся к Цзян Чжияю и показал обертку от конфеты:

— Хочешь?

— Вместо нормальной еды ешь всякую ерунду, — Цзян Чжияю посмеялся над его ребячеством и клюнул его в губы. — Когда придет еда, поешь нормально. Поправляйся быстрее, чтобы потом... покормить меня собой.

Он сжал талию Шэнь Хэна и прошептал ему на ухо с двусмысленной интонацией. Хотя в комнате были только они двое, лицо Шэнь Хэна моментально вспыхнуло ярким румянцем. Он был похож на перезревшую ягоду — стоило укусить, как она наполнилась бы сладким соком, а сама кожа излучала невыразимо сладкий аромат.

Зажатый в объятиях Цзян Чжияю, он опустил голову и закусил губу, не говоря ни слова. Цзян Чжияю хотел было подразнить его еще, но в дверь позвонил Сян И с доставкой из отеля.

Вечером, под присмотром Цзян Чжияю, Шэнь Хэн был вынужден поесть чуть больше, и даже когда они легли в кровать, он не мог заснуть из-за ощущения тяжести в животе. Цзян Чжияю сегодня был особенно внимателен: следил за тем, как он ест, помогал мыться, а после всех хлопот просто отнес его в кровать и, обнимая, стал вместе с ним просматривать документы.

На следующей неделе должно было состояться слушание по тому трудовому спору. Шэнь Хэн, устроившись в объятиях Цзян Чжияю, читал материалы дела. В комнате было так тепло, что его начало клонить в сон. В наушниках он прижался головой к груди Цзян Чжияю.

Он уже много раз прокручивал это дело от начала до конца, все детали давно были изучены наизусть. Пока он углубленно читал, он вдруг услышал ровное дыхание рядом.

Цзян Чжияю уснул, но продолжал удерживать его в своих объятиях. Шэнь Хэн взглянул на время и отложил планшет. В наушниках играла спокойная поп-музыка — он случайно наткнулся на плейлист с редкими треками, и, к его удивлению, песни оказались на редкость хорошими.

Опустив взгляд на экран музыкального приложения, он кончиком пальца добавил песню в избранное.

Цзян Чжияю, лежавший за его спиной, затек от долгого пребывания в одном положении. Проснувшись, он увидел, что Шэнь Хэн склонился над телефоном. Он потянулся рукой к его изящной шее и спросил ленивым тоном:

— Почему еще не спишь?

— Нашел одну песню, очень красивая, — Шэнь Хэн повернулся к нему, вынул один наушник и вложил его в ухо Цзян Чжиюю. Он лежал на нем, подняв глаза, и смотрел с нетерпением.

Цзян Чжиюй безразлично закрыл глаза, наслаждаясь музыкой. Вступление было плавным и мягким, в припеве слышались звуки треска пылающих дров — мелодия была не только нежной, но и глубокой, с переливами.

— Хм... — только он хотел похвалить вкус Шэнь Хэна, как после вступления раздался первый четкий вокал, и он резко открыл глаза.

Лицо Цзян Чжиюя похолодело, но, повернувшись к Шэнь Хэну, он ответил спокойным тоном:

— Чья это песня? — спросил он.

Шэнь Хэн взглянул в телефон и ответил:

— «Знамя», Юй Сяо. А что?

— Ничего особенного.

Цзян Чжиюй забрал телефон, закрыл приложение и убрал наушник в сторону, прижимая ни в чем не повинного Шэнь Хэна к кровати:

— Отдыхай, завтра я выведу тебя прогуляться.

Шэнь Хэн не знал о существовании Юй Сяо, и Цзян Чжиюй был уверен, что у того не хватило бы хитрости проверять его таким способом. Скорее всего, он просто случайно услышал ее и решил поделиться.

<http://bllate.org/book/26348/3154355>